

ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.

ГЛАВА II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1830.

1916

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

ВСТАНІЙ ОУРАДІ

1917

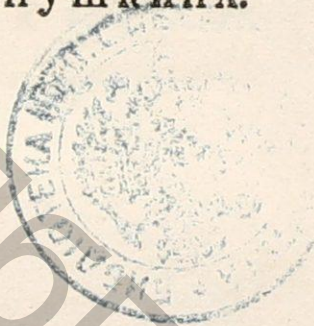
81769

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1830.

18858
Первое
1950

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

Съ дозволенія Правительства.

СПЛ

8780

САЛТАНЪТЪ

САЛТАНЪТЪ

САЛТАНЪТЪ

САЛТАНЪТЪ

САЛТАНЪТЪ

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СЛОВО

ДИЯОТЯ МЛТ

О рус!

Hor.

О Русь!

К 1916

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

І.

Деревня, гдѣ скучаль Евгений,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословишь бы Небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой ошь въпровъ огражденный,
Стояль надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ песпрѣли и цвѣли

Луга и нивы золопья,
 Мелькали села здѣсь и шамь,
 Спада бродили по лугамь,
 И сѣни разширяль густыя
 Огромный, запущенный садь,
 Приюпъ задумчивыхъ Дриадь.

II.

Почтенный замокъ былъ поспроенъ,
 Какъ замки спроишься должны:
 Опмѣнно прочень и спокоень,
 Во вкусъ умной спарины.
 Вездѣ высокіе покои,
 Въ гостиной шпофные обои,
 Поршрешы дѣдовъ на спѣнахъ,
 И печи въ пеепрыхъ изразцахъ.
 Все эпо нынѣ обвешнало,
 Не знаю право почему:

Да впрочемъ другу моему
 Въ шомъ нужды было очень мало,
 За шѣмъ, что онъ равно зѣваль
 Средь модныхъ и старинныхъ заль.

III.

Онъ въ шомъ покоѣ поселился,
 Гдѣ деревенскій старожиль
 Льшь сорокъ съ ключницей бранился,
 Въ окно смопрѣль и мухъ давилъ.
 Все было просто: полъ дубовый,
 Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
 Нигдѣ ни пяпнышка чернилъ.
 Онъгинь шкафы отворилъ:
 Въ одномъ нашель шенградъ расхода,
 Въ другомъ наливокъ цѣлый спрой,
 Кувшины съ яблочной водой,
 И календарь осьмага года;

Спарикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣль.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ шолько время проводишь,
Сперва задумалъ нашъ Евгеній
Порядокъ новый учредишь.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины спаринной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ;
Мужикъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ эпомъ спрашный вредъ,
Его расчешливый сосѣдъ.
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ:
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всё къ нему ѣзжали;
 Но такъ какъ съ задняго крыльца
 Обыкновенно подавали
 Ему Донскаго жеребца,
 Лишь полько вдоль большой дороги
 Завидяшъ ихъ домашни дроги,
 Поспункомъ оскорбясъ такимъ
 Всъ дружбу прекрашили съ нимъ.
 « Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродишь,
 « Онъ фармазонъ; онъ пьешъ одно
 « Спаканомъ красное вино,
 « Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходишь;
 « Все да, да нѣтъ; не скажешъ да-съ
 « Иль нѣтъ-съ.» Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ шуже пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ,

И столь же спрогому разбору
 Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ.
 По имени Владимиръ Ленскій,
 Душой Филисперъ Гешшингенскій,
 Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Поклонникъ Канша и поэшь.
 Онъ изъ Германіи шуманной
 Привезъ учености плоды:
 Вольнолюбивыя мечшы,
 Духъ пылкій и довольно спранный,
 Всегда воспорженную рѣчь
 И кудри черныя до плечъ.

VII.

Опъ хладнаго развраша свѣша
 Еще увянуть не успѣвъ,
 Его душа была согрѣша
 Привѣшомъ друга, лаской дѣвъ.

Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;

Его лелѣла надежда,

И міра новый блескъ и шумъ

Еще плѣняли юный умъ.

Онъ забавлялъ мечтою сладкой

Сомнѣнья сердца своего.

Цѣль жизни нашей для него

Была заманчивой загадкой;

Надъ ней онъ голову ломалъ

И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная

Соединишься съ нимъ должна,

Что, безоправдно изнывая,

Его вседневно ждешь она;

Онъ вѣрилъ, что друзья гошovy

За честь его приняшь оковы,

И что не дрогнешь ихъ рука
Разбишь сосудъ клеветника.

IX.

Негодование, сожаленье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой спраншвоваль на свѣтъ;
Подъ небомъ Шиллера и Гете,
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ.

И Музь возвышенныхъ искусства,
 Щаспливецъ, онъ не поспыдилъ;
 Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
 Всегда возвышенныя чувства,
 Порывы дѣвственнѣйшей мечты
 И прелеснь важной проспошы.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
 И пѣснь его была ясна,
 Какъ мысли дѣвы просподушной,
 Какъ сонъ младенца, какъ луна
 Въ пусшыняхъ неба безмяшежныхъ,
 Богиня шайнь и вздоховъ нѣжныхъ.
 Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
 И нѣчто, и шуманну даль,
 И романшическія розы;
 Онъ пѣлъ шѣ дальныя спраны,

Гдѣ долго въ лоно пишины
 Лились его живыя слёзы;
 Онъ пѣль поблеклый жизни цвѣтъ,
 Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынь, гдѣ одинъ Евгений
 Могъ оцѣнить его дары,
 Господь сосѣдственныхъ селеній
 Ему не нравились пиры;
 Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
 Ихъ разговоръ благоразумный
 О снокошь, о винъ,
 О псарнѣ, о своей роднѣ,
 Конечно не блистала ни чувствомъ,
 Ни поэтическимъ огнѣмъ,
 Ни острою, ни умомъ,
 Ни общежитія искусствомъ;

Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

ХII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Ведѣ былъ принятъ какъ женихъ;
Таковъ обычай деревенскій;
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полурускаго сосѣда;
Взойдетъ ли онъ — пошлѣ часъ бесѣда
Заводишь слово спороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовушь сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаешь чай,
Ей шепчущъ: Дуня, примѣчай;
Пошлѣ приносяшь и гитару:
И запищишь она (Богъ мой!)
Приди въ тертогъ ко мнѣ златой.

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
 Охоты узы брака несть,
 Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
 Знакомство покороче свессть.
 Они сошлись: волна и камень,
 Спихи и проза, ледъ и пламень
 Не столь различны межъ собой.
 Сперва взаимной разнотой
 Они другъ другу были скучны;
 Потомъ поправились; потомъ
 Съѣзжались каждый день верхомъ,
 И скоро стали неразлучны.
 Такъ люди, первый каюсь я,
 Опшъ *дѣлать нечего* — друзья.

XIV.

Но дружбы нѣшь и шой межъ нами;
 Всѣ предрассудки истребя,

Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
 А единицами — себя;
 Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
 Двуногихъ шварей милліоны
 Для насъ орудіе одно;
 Намъ чувство дико и смѣшно.
 Сноснѣ многихъ былъ Евгеній;
 Хошь онъ людей конечно зналъ
 И вообще ихъ презиралъ,
 Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
 Иныхъ онъ очень опличалъ,
 И вчужь чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
 Поэша пылкій разговоръ,
 И умъ еще въ сужденьяхъ зыбкой,
 И вѣчно вдохновенный взоръ —

Онѣгину все было ново ;
 Онѣ охладительное слово
 Въ устахъ спарался удержашь,
 И думаль : глупо мнѣ мѣшашь
 Его минушнему блаженству ;
 И безъ меня пора придетъ ;
 Пускай покамѣспь онѣ живешь
 Да въришь міра совершенству ;
 Проспимъ горячкѣ юныхъ лѣшъ
 И юный жарь и юный бредъ.

XVI.

Межь ними все раждало споры
 И къ размышленію влекло :
 Племень минувшихъ договоры ,
 Плоды наукъ , добро и зло ,
 И предразсудки вѣковые ,
 И гроба шайны роковыя ,

Судьба и жизнь въ свою чреду
 Все подвергалось ихъ суду.
 Поэшь въ жару своихъ суждений
 Читалъ, забывшись, между шѣмъ
 Опрывки сѣверныхъ поэшь;
 И снисходительный Евгенийъ,
 Хоть ихъ не много понималъ,
 Прилѣжно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали спрассти
 Умы пустынныхъ моихъ.
 Ушедъ опъ ихъ мяшежной власши,
 Онѣгинь говорилъ объ нихъ
 Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
 Блаженъ, кшо вѣдалъ ихъ волненья
 И наконецъ опъ нихъ опспалъ;
 Блаженнѣй шопъ, кшо ихъ не зналъ.

Кто охлаждалъ любовь разлукой,
 Вражду злословіемъ; порой
 Зѣваль съ друзьями и женой,
 Ревнивой не превожась мукой,
 И дѣдовъ вѣрный капишаль
 Коварной двойкѣ не вѣрять!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
 Благоразумной шишины,
 Когда спросей угаснешь пламя,
 И намъ спановяшся смѣшны
 Ихъ своевольство, иль порывы
 И запоздалые опзывы —
 Смиренные не безъ шруда,
 Мы любимъ слушать иногда
 Спросей чужихъ языкъ мяшежный
 И намъ онъ сердце шевелишь;

Такъ почно спарый инвалидъ
 Охотно клонить слухъ прилбжный
 Рассказамъ юныхъ усачей,
 Забышый въ хижинѣ своей.

XIX.

За шо и пламенная младость
 Не можеть ничего скрыватьъ:
 Вражду, любовь, печаль и радость,
 Она гошова разболшашъ.
 Въ любви снпшаясь инвалидомъ,
 Онъгинь слушалъ съ важнымъ видомъ,
 Какъ, сердца исповѣдь любя,
 Поэшь высказываль себя;
 Свою доврчивую совѣсть
 Онъ просподушно обнажалъ.
 Евгенийъ безъ шруда узналъ
 Его любви младую повѣсть,

Обильный чувствами расказъ
Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любящъ; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любящъ осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечпанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣпой дѣвственнѣмъ огнемъ.

XXI.

Чуть опрокъ, Ольгою плененный,
 Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
 Онъ былъ свидѣтель умиленный
 Ея младенческихъ забавъ;
 Въ шѣни хранишельной дубравы
 Онъ раздѣлялъ ея забавы,
 И дѣшамъ прочили вѣнцы
 Друзья-сосѣди, ихъ опшцы.
 Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
 Невинной прелести полна,
 Въ глазахъ родителей, она
 Цвѣла какъ ландышь пошаненный,
 Незнаемый въ правѣ глухой,
 Ни мошылками, ни пчелой.

XXII.

Она поэшу подарила
 Младыхъ восшорговъ первый сонъ,

И мысль объ ней одушевила
Его цѣвницы первый спонь.
Проспише, игры золошья!
Онъ роци полюбилъ гусшья,
Уединенье, шишину,
И ночь, и звѣзды, и луну,
Луну, небесную лампаду,
Кошорой посвящали мы
Прогулки средь вечерней шмы,
И слезы, шайныхъ мукъ опраду....
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну шусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ ушро весела,
Какъ жизнь поэта просподушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,

Глаза какъ небо голубые ,
 Улыбка , локоны льняные ,
 Движенья , голосъ , легкій спань ,
 Все въ Ольгѣ но любой романъ
 Возмите , и найдете вѣрно
 Ея поршрешъ : онъ очень миль ;
 Я прежде самъ его любилъ ,
 Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно .
 Позвольте мнѣ , чашапель мой ,
 Заняпья спаршею сестрой .

XXIV.

Ея сестра звалась Тапьяна .
 Впервые именемъ шакимъ
 Страницы нѣжныя романа
 Мы своевольно освяшимъ .
 И чшожь ? оно пріятно , звучно ,
 Но съ нимъ , я знаю , неразлучно

**

Воспоминанье спарины
 Иль дѣвичьей. Мы всё должны
 Признаться, вкуса очень мало
 У насъ и въ нашихъ именахъ
 (Не говоримъ ужъ о спихахъ);
 Намъ просвѣщенье не пристало,
 И намъ досталось ошь него
 Жеманшво — больше ничего.

XXV.

И шакъ она звалась Тапьяной.
 Ни красой сеспры своей,
 Ни свѣжестью ея румяной,
 Не привлекабъ она очей.
 Дика, печальна, молчалива,
 Какъ лань лѣсная боязлива,
 Она въ семьѣ своей родной
 Казалась дѣвочкой чужой.

Она ласкашся не умѣла
 Къ ошцу, ни къ машери своей;
 Дипя сама, въ шолпѣ дѣшей
 Играшь и прыгашь не хошѣла,
 И часпо, цѣлый день одна,
 Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивосшь, ея подруга
 Ошь самыхъ колыбельныхъ дней,
 Теченье сельскаго досуга
 Мечшами украшала ей.
 Ея изнѣженные пальцы
 Не знали игль; склонясь на пльцы,
 Узоромъ шелковымъ она
 Не оживляла полошна.
 Охопы власпвовашь примѣта:
 Съ послушной куклою, дипя

Приготовляешься шупя
 Къ приличію, закону свѣта,
 И важно повпоряешь ей
 Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
 Ташьяна въ руки не брала;
 Про вѣспи города, про моды
 Бесѣды съ нею не вела.
 И были дѣтскія проказы
 Ей чужды; спрашныя рассказы
 Зимою, въ шемнопѣ ночей,
 Пльняли больше сердце ей.
 Когда же няня собирала
 Для Ольги, на широкій лугъ,
 Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
 Она въ горѣлки не играла,

Ей скучень былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ въпреныхъ ушѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И шихо край земли свѣплѣетъ,
И въспникъ упра, въперъ въешъ,
И всходитъ посшепенно день.
Зимой, когда ночная шѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ празднои тишинѣ,
При ошуманенной лунѣ,
Воспокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюбилась въ обманы
И Ричардсона и Руссо.
Опець ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкъ запоздалый;
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почишалъ пустою игрушкой,
И не забоиhsя о шомъ,
Какой у дочки тайный шомъ
Дремаль до ушра подь подушкой.
Жена жь его была сама
Ошь Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона,
Не пошому, чшобы прочла,

Не пошому, чшобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла;
Но въ спарину, княжна Алина,
Ея Московская кузина,
Твердила часшо ей объ нихъ.
Въ шо время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по неволѣ;
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ;
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣша,
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросясь ея совѣта
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.

И чшобъ ея разсѣять горе,
 Разумный мужъ уѣхаль вскорѣ
 Въ свою деревню, гдѣ она,
 Богъ знаешъ кѣмъ окружена,
 Рвалась и плакала сначала,
 Съ супругомъ чужь не развелась;
 Попомъ хозяйствомъ занялась,
 Привыкла, и довольна спала.
 Привычка свѣше намъ дана:
 Замѣна счастию она.

XXXII.

Привычка усладила горе
 Неопразимое ничѣмъ;
 Открытіе большое вскорѣ
 Ее упѣшило совсѣмъ.
 Она межъ дѣломъ и досугомъ
 Открыла шайну, какъ супругомъ

Единовластно управлять,
 И все погда пошло на спашь.
 Она ѣзжала по работамъ,
 Солила на зиму грибы,
 Вела расходы, брила лбы,
 Ходила въ баню по субботамъ,
 Служанокъ била осердясь —
 Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало, писывала кровью
 Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
 Звала Поминою Прасковью,
 И говорила на распѣвъ;
 Корсетъ носила очень узкій,
 И Руской Н какъ Н Французскій
 Произносишь умѣла въ носъ;
 Но скоро все перевелось:

Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
 Спишковъ чувствительныхъ шепрадь
 Она забыла — спала звашь
 Акулькой прежнюю Селину,
 И обновила наконецъ
 На вашъ шафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
 Въ ея зашби не входилъ,
 Во всеъ ей ввроваль безопасно,
 А самъ въ халашъ фль и пиль.
 Покойно жизнь его кашилась;
 Подъ вечеръ иногда сходилась
 Сосѣдей добрая семья,
 Нецеремонные друзья,
 И пошужишь и позлословить,
 И посмѣяшся кой о чемъ.

Проходишь время; между шѣмъ
 Прикажешь Ольгѣ чай гоповишь;
 Тамъ ужинъ, шамъ и спашъ пора,
 И госши ѣдушь со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
 Привычки милой сшарины;
 У нихъ на масляницѣ жирной
 Водились Рускіе блины.

Имъ квась, какъ воздухъ былъ пошребень,

И за споломъ у нихъ госпямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И шакъ они спаръли оба.
И ошворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣшми и вѣрною женой,
Чиспосердечнѣй чѣмъ иной.
Онъ былъ проспой и добрый баринъ,
И шамъ, гдѣ прахъ его лежишь,
Надгробный памятникъ гласишь:
*Смиранный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.*

XXXVII.

Своимъ пенапамъ возвращенный,
 Владимірь Ленскій посѣпиль
 Сосѣда памятникъ смиренный,
 И вздохъ онъ пеплу посвящиль;
 И долго сердцу грустно было.
 « *Poor Yorick!* молвиль онъ уныло,
 « Онъ на рукахъ меня держаль.
 « Какъ часто въ дѣтствѣ я играль
 « Его Очаковской медалью!
 « Онъ Ольгу прочиль за меня,
 « Онъ говорилъ: дождусь ли дня?... »
 И полный искренней печалью,
 Владимірь шупъ же начершаль
 Ему надгробный мадригаль.

XXXVIII.

И шамъ же надписью печальной
 Опца и мапери, въ слезахъ,

Почпилъ онъ прахъ патріархальной...
 Увы! на жизненныхъ браздахъ
 Мгновенной жашвой, поколѣнья,
 По шайной волѣ Провидѣнья,
 Восходяшь, зрѣюшь и падушь;
 Другія имъ во слѣдъ идушь...
 Такъ наше въшренное племя
 Расшешъ, волнуешся, кипишь
 И къ гробу прадедовъ пѣснишь.
 Придешъ, придешъ и наше время,
 И наши внуки въ добрый часъ
 Изъ міра вышѣсняшь и насъ.

XXXIX.

Покамѣшь упивайшесь ею,
 Сей легкой жизнию, друзья!
 Ея ничтожношь разумью,
 И мало къ ней привязанъ я;

Для призраковъ закрыль я вѣжды;
 Но опдаленныя надежды
 Тревожашъ сердце иногда:
 Безъ непримѣшнаго слѣда
 Мнѣ было бь грустно мѣрь оставишь.
 Живу, пишу не для похваль;
 Но я бы, кажешя, желалъ
 Печальный жребій свой прославишь,
 Чшобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
 Напомнилъ хошъ единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце пронешъ;
 И сохраненная судьбой,
 Бышь можешъ, въ Лешъ не пошонешъ
 Спрофа слагаемая мной;
 Бышь можешъ, (лесная надежда!)
 Укажешъ будущій невѣжда

На мой прославленный портретъ,
И молвишь: по-по былъ Поэшь!
Примижь мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О пы, чья память сохранишь
Мои лешучія шворенья,
Чья благосклонная рука
Попреплешь лавры спарика!

1910

1916

1916

Продается въ С. Петербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
пяти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копѣекъ.